

Вильямъ Шекспиръ

Пря между Брутусомъ и Касіусомъ въ Трагедіи названной „Іюлій Цесарь.“

Источник: Пря между Брутусом и Касиусом в трагедии, названной Июлий Цесарь. [Отрывок. Дейст. IV, сц. 3]. [Пер. М. Веревкина]. — В кн.: Наставник или Всеобщая система воспитания. Ч. I. СПб., Тип. Горного училища, 1789, с. 290—302.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Касіусъ.

Что ты меня обидѣлъ, сіе очевидно; ибо осудилъ и наказалъ Люціуса Пеллу, за то что принялъ онъ дары отъ Сардинцевъ; письмо же мое, коимъ защищалъ его предъ тобою, презрилъ.

Брутусъ.

„Подобное ходатайство безчеститъ тебя.

Касіусъ.

„Въ настоящее время лзя ли толико уважать и самыя мѣлкія оскорбленія?

Брутусъ.

„Но дай мнѣ сказать себѣ Касіусъ и то, тебя собственно подозрѣвають много оскверненіемъ рукъ дарами, что продавалъ ты цѣною злата, чины людямъ недостойнымъ.

Касіусъ.

„Я? мои руки коснулись мздоимству? Если бы не Брутусъ сіе сказалъ, кленуся Богами, уста твои въ послѣдній бы разъ вѣщати могли.

Брутусъ.

„Имя Касіусово извиняетъ преступленіе, а по тому и ненаказаннымъ остается.

Касіусъ.

„Я наказаніе заслуживаю?

Брутусь.

„Припомни мѣсяць Мартъ, припомни Индиктъ сего мѣсяца, не пролилася ли кровь Іюлія за нарушеніе правосудія? Какій нечестивецъ умертвилъ его за оное? Какъ? Мужъ толико превознесенный надъ прочими смертными, заслуживалъ ли умерщвленіе, по тому токмо, что подкрѣплялъ разбойниковъ. Мы сами, долженствуемъ ли подобно же осквернять руки наши? и мзду почтенную заслугъ ко отечеству, продавать за деньги? Лутчѣ хочу быти псомъ, лаяти на луну взирая, нежели Римляниномъ.

Касіусь.

„Брутусь? лай твой да не устремляется и на меня, не снесу того. Я воинъ, старѣе и искуснѣе тебя въ ремеслѣ ратномъ.

Брутусь.

„О! нѣтъ ты уже не Касіусь.

Касіусь.

„Онъ всеконечно.

Брутусь.

„Обманываешься.

Касіусь.

„Не выводіи изъ терпѣнія, забудусь, щади жизнь твою, не раздражай меня далѣе.

Брутусь.

„Исчезни отъ глазъ моихъ нечестивецъ!

Касіусь.

„Возможно ли?

Брутусь.

„Слушай, мнѣ ли уступить грубой твоей запальчивости? мнѣ ли убояться бѣснующагося?

Касіусь.

„Боги! и я все сіе сносить могу?

Брутусь.

„Еще больше. Пусть множится злоба твоя; пусть разорвешь сердце твое на части. Сокройся отъ меня, иди къ твоимъ невольникамъ, кажи имъ скорость твою ко гнѣву. Да вострепещутъ рабы твои..... мнѣ имѣть къ тебѣ почтеніе? мнѣ уничижаться предъ вздорнымъ твоимъ своенравіемъ? да разливается желчь твоя по всей твоей внутренности, заслуживаеши лопнуть отъ того. Отъ сего дня утрюмость твоя будетъ предметомъ моихъ издѣвокъ, моего посмѣянія.

Касіусь.

„Такъ уже далеко обижаютъ меня!

Брутусь.

„Говоришь, ты лутчій предо мною на войнѣ, яви мнѣ сіе на дѣлѣ. Докажи достохвальныя дѣла твои и буду доволенъ..... Охотно поучаюся отъ мужей великихъ.

Касіусь.

„Все инако пріемлеши. Старѣе я тебя въ служеніи отечеству, но не сказалъ, чтобъ лутчій предъ тобою былъ воинъ.

Брутусь.

„Когда бы и такъ, ни во что вмѣняю.

Касіусь.

„Самъ Цесарь, естли бы живъ былъ, не отважился бы толико обижаютъ меня.

Брутусь.

„Не горячись, не посмѣлъ бы и ты столь же раздражать его.

Касіусь.

„Я бы не посмѣлъ?

Брутусь.

„Безъ сомнѣнія.

Касіусь.

„Я?

Брутусь.

„Такъ всеконечно.

Касіусь.

„Брутусь, любовь мою къ тебѣ не употребляй далѣе во зло: послѣдуетъ, о чемъ жалѣть будешь.

Брутусь.

„Довольно уже ты наговорилъ, о чемъ жалѣть тебѣ надобно. Угрозы твои не страшны. Довольно вооруженъ я противу тебя честностію своею, пускаю ихъ, какъ вѣтры мимо ушей. Посылалъ я къ тебѣ за нѣкоторымъ количествомъ денегъ; ты отказалъ мнѣ. [Денегъ не ищу я никогда подлыми способами. Лутчѣ дамъ разтерзать себя, всю кровь выпустить съ тѣмъ, чтобъ развѣситъ ее на драхмы, нежели вырывать изъ рукъ бѣдныхъ поселянъ, ничтожную мзду трудовъ ихъ.] Посылалъ я къ тебѣ за деньгами, на то, чтобъ легіонъ мой удовольствоваться жалованьемъ, а ты отказать мнѣ могъ. Касіусу ли сіе прилично? Такъ ли бы поступилъ я съ Касіусомъ?... Маркусь Брутусь, естли столько же корыстолюбивъ: естли откажетъ когда либо друзьямъ въ послѣдней своей наличной цагѣ?... Безсмертные! разразите небеса, пустите громы ваши, изтребите его изъ числа человѣковъ.

Касіусь.

„Я не отказывалъ?

Брутусь.

„Всеконечно.

Касіусь.

„Нѣтъ, говорю я; какой нибудь безумецъ инако пересказалъ тебѣ отвѣтъ

мой..... Брутусь уязвилъ сердце мое. Другъ долженъ сносить друга своего слабости а онъ только увеличиваетъ оныя.

Брутусь.

„Совсѣмъ не такъ, не всегда ли заставляеши меня терпѣть слабости твои.

Касіусь.

„Ты меня не любишь.

Брутусь.

„Не люблю твоихъ пороковъ.

Касіусь.

„Въ другъ пороковъ не видятъ.

Брутусь.

„Глаза льстецовъ, когда бы и съ гору Олимпъ были велики.

Касіусь.

„Поспѣшайте ко мнѣ Антоніусъ, и ты юный Октавій производите мщеніе ваше надъ однимъ токмо Касіусомъ. Касіусу наскучила жизнь. Ненавидимъ, кого любить! нападаемъ отъ брата своего; ругаютъ его яко раба; замѣчаютъ всѣ его погрѣшенія, твердятъ ихъ наизустъ, неизгладимо вперяютъ въ памяти своей, дабы укорятъ меня ими въ глаза. Естли бы токмо могъ, до послѣдняго бы издыханія доплакался..... Вотъ мечъ мой; вотъ открытая грудь моя: въ ней біется сердце превыше всѣхъ богатствъ Плутуса; неоцѣненнѣе злата. Нужно ли тебѣ о! Брутусь сердце Римлянина, вырви оно, тотъ, кто отказалъ тебѣ въ деньгахъ, не отказываетъ въ немъ: возми его, пронзай, какъ пронзилъ ты сердце Цесаря. Вѣдаю, ненавида его, какъ не лъзя болѣе, любилъ ты его, несравненно паче, нежели когда либо Касіуса.

Брутусь.

„Вложи мечъ твой во влагалище, не преставай неистовствовать, ежели то тебѣ угодно, не мѣшаю тебѣ. Дѣлай, что хочещи. Довольствуйся твоимъ безчестіемъ. О! Касіусь, ты подъ однимъ ярмомъ запряженъ съ агнцемъ; ты подобенъ кремнію, сыплющему огненныя искры отъ частыхъ ударовъ; во одно и то же мгновеніе проходитъ блескъ ихъ и становятся хладны.

Касіусь.

„Для того ли жилъ Я на свѣтѣ, чтобъ стать предметомъ издѣвокъ и насмѣшества Брутуса?... Вся кровь моя волнуется отъ несносныхъ досады.

Брутусь.

„Говоря съ тобою и я беспокоюсь.

Касіусь.

„Когда признаешься ты даже до того? дай мнѣ руку твою! [*объемлются*].

Брутусь.

„А съ нею и сердце.

Касіусь.

„Брутусь!

Брутусь.

„Касіусь!

Касіусь.

„Такъ ли любовь твоя ко мнѣ велика, что и самая моя вспыльчивость, вышедшая со мною изъ матерняго чрева, омрачающая разумъ мой, сносна тебѣ?

Брутусь.

„Такъ Касіусь. Отнынѣ какъ только скоро примѣчу, что страсть сія овладѣвать тобою начинаетъ, буду представлять себѣ, что мать твоя браниться хошетъ, и снесу терпѣливо.